

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Б.

10.04.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., Пашинского М.Л., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Чангли А.И. (участвовали очно), члена Совета Манкевича А.Е. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 10.04.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **Б.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 01.08.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката **Б.** послужила жалоба Б.С.Г., поступившая в АП СПб 22.07.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.08.2024.

Из содержания жалобы следует, что Б.С.Г. заключил соглашение об оказании юридической помощи с адвокатом К.Л.В. (реквизиты соглашения в жалобе не указаны, копия соглашения не представлена). Заявитель указывает, что соглашением с адвокатом К.Л.В. было предусмотрено привлечение к работе и других адвокатов, а сам К.Л.В. наделён правом заключать соглашения с такими адвокатами в интересах Б.С.Г.

Позднее по указанию К.Л.В. заявитель выдал доверенность на имя адвокатов Н.И.Н. (реестровый №) и Б. (реестровый №), с которыми, как полагает Б.С.Г., К.Л.В. заключил соглашения в пользу третьего лица, то есть, в пользу его, Б.С.Г. Затем с Н.И.Н. были заключены отдельные соглашения (когда и кем в заявлении не указано).

Ввиду отсутствия связи с К.Л.В. заявителю не удалось выяснить детали его соглашения с адвокатом Б., но он считает, что сама по себе просьба К.Л.В. о выдаче доверенности на имя Б. свидетельствует о наличии такого соглашения в пользу Б.С.Г.

В настоящее время соглашение с К.Л.В. расторгнуто, а, следовательно, как полагает Б.С.Г., расторгнуто и соглашение с Б. Однако адвокат Б. продолжает быть носителем адвокатской тайны.

В отношении адвоката Н.И.Н. 10.08.2023 возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ, где Б.С.Г. является потерпевшим, а адвокат Б. – защитником обвиняемого.

Заявитель считает, что, приняв на себя защиту Н.И.Н. против своего бывшего доверителя Б.С.Г., адвокат Б. нарушил требования п. 2 ст. 5, подп. 1 ст. 8 и п. 3 ст. 10 КПЭА.

Б.С.Г. просит привлечь адвоката Б. к дисциплинарной ответственности. К жалобе приложена копия доверенности.

Адвокат Б. в своих объяснениях указывает, что никогда не принимал поручение на представление интересов Б.С.Г. ни от него самого, ни от иных лиц по его поручению. На имя Б. никогда не выписывались ордера на представление интересов Б.С.Г., не вносились деньги на его имя в кассу АК - 25 по соглашениям в пользу Б.С.Г. Адвокат Б. не совершал каких-либо юридически значимых действий, связанных с Б.С.Г., не составлял каких-либо юридических и процессуальных документов в отношении или по поручению Б.С.Г.

Адвокат Б., не раскрывая источник своей осведомлённости, утверждает, что соглашение между Б.С.Г. и К.Л.В. не содержит условия о привлечении его (Б.) в качестве адвоката к оказанию юридической помощи для выполнения поручений доверителя (Б.С.Г.). О выданной 07.02.2023 Б.С.Г. на его имя (в числе прочих адвокатов) доверенности адвокат Б. узнал в январе 2024 г. из материалов уголовного дела в отношении Н.И.Н., защитником которого является с 17.01.2024. По данным нотариальной палаты Б.С.Г. отменил эту доверенность 24.04.2023, то есть спустя два месяца с момента ее оформления.

Таким образом, адвокат Б. считает, что никаких нарушений норм КПЭА он не совершал, так как Б.С.Г. не являлся его доверителем.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 21.11.2024 дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. необходимо прекратить вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, т.е. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 9 ст. 23 КПЭА.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений, в которых выражены несогласие с заключением Квалифкомиссии или его поддержка, в Совет АП СПб не направляли.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 10.04.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание явились.

Заявитель Б.С.Г. выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии, поддержал свои прежние доводы, пояснил, что адвокат Б. неоднократно консультировал его по тому вопросу, по которому он обратился к адвокатам АК - 25.

Адвокат Б. выразил поддержку заключению Квалифкомиссии, поддержал свои прежние доводы, пояснил, что о наличии выданной Б.С.Г. на его имя доверенности он был не осведомлён.

Заявитель и адвокат ответили на вопросы членов Совета.

Перед началом обсуждения член Совета Подпригора Д.А. заявил о самоотводе ввиду имеющейся заинтересованности в результатах рассмотрения настоящего дисциплинарного дела, поскольку он оказывал юридическую помощь заявителю Б.С.Г. Поэтому в обсуждении и голосовании член Совета Подпригора Д.А. участия не принимал.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав стороны, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Как следует из содержания жалобы Б.С.Г., единственным доказательством наличия между ним и адвокатом Б. договорных отношений является представленная в материалы

дисциплинарного дела доверенность, выданная 07.02.2023 Б.С.Г. на имя адвокатов К.Л.В., Н.И.Н. и Б..

В то же время, согласно положениям п.п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона от «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом, на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Из этого с очевидностью следует, что возникновение правоотношений «адвокат-доверитель» невозможно без обоюдного волеизъявления обеих сторон таких отношений. В свою очередь, доверенность, представляющая из себя одностороннее волеизъявление на наделение иного лица соответствующими полномочиями, сама по себе ещё не создаёт договорных связей и обязательств для уполномоченного до тех пор, пока такое лицо не примет поручение к исполнению путём выражения своей на то воли письменно или путём совершения конклюдентных действий.

Между тем заявителем не представлено каких-либо доказательств выражения адвокатом Б. согласия принять поручение на какое-либо представительство или защиту интересов Б.С.Г. Не приведено заявителем и доводов, подтверждающих факт выполнения адвокатом представительских функций, проистекающих из факта выдачи доверенности. Не указано конкретных сведений, которые были бы сообщены или самостоятельно получены адвокатом Б. и которые составляли бы адвокатскую тайну.

В соответствии с правовым смыслом и содержанием подп. 1-4 п. 1 ст. 20 КПЭА заявление лица, не отнесённого к числу субъектов обжалования действий (бездействия) адвоката, не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Также с учётом требований подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 КПЭА неконкретность выдвинутых дисциплинарных обвинений и непредставление подтверждающих их доказательств, исключают саму возможность для дисциплинарных органов адвокатского самоуправления рассмотреть такое обращение по существу.

Однако заявителем требование КПЭА об указании в обращении доказательств, подтверждающих обстоятельства, на которых основаны выдвигаемые им требования, полностью проигнорировано.

Соглашаясь с приведёнными выводами Квалифкомиссии, Совет АП СПб отмечает, что они свидетельствуют не об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА (о чём заключила Квалифкомиссия), а об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, что обнаружилось в ходе разбирательства квалификационной комиссией и Советом.

Согласно подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству следующее решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства».*

При таких обстоятельствах Совет АП СПб признаёт необходимым дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. прекратить по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

прекратить дисциплинарное производство № в отношении адвоката Б. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.